

КИРЕЕВСКИЙ, Иван Васильевич [22.III(3.IV)1806, Москва -- 11(23).VI.1856, Петербург] -- прозаик, критик, публицист, теоретик литературы. Издатель, брат собирателя народных песен Петра Киреевского. С самого детства К. окружали люди талантливые, увлекающиеся литературой, философией, искусством. Близким родственником Киреевских был В. А. Жуковский.

Получив блестящее домашнее образование, К. восемнадцати лет поступил на службу в Московский главный архив Иностранной коллегии. Его друзьями и сослуживцами стали "архивные юноши" (Д. и А. Веневитиновы, В. Титов, С. Шевырев, В. Одоевский), как и К., жадно тянувшиеся к философскому знанию. Тогда же, в 1824 г., "архивные юноши" и близкие к ним молодые люди создали "Общество любомудрия", к которому примкнули А. Кошелев и др. Поражение декабристов привело к роспуску кружка. К. оставил службу и решил посвятить себя литературе, он рассматривал литературные занятия как способ служения народу и обществу. "Я могу быть литератором,-- писал К. в письме к А. И. Кошелеву,-- а содействовать просвещению народа не есть ли величайшее благодеяние, которое можно ему сделать?" (Критика и эстетика.-- С. 335).

Литературное творчество К. стало реализацией этого принципа. Так, напр., "Обозрение русской словесности 1829 года" он начинает с разбора нового Цензурного устава, считая его способным "очистить дорогу" просвещению европейскому. Эту расчистку начал, по мнению критика, Н. И. Новиков, который "не распространил, а создал у нас любовь к чтению" (Там же.-- С. 57), "он способствовал рождению общего мнения" (Там же). Вслед за Новиковым К. пытается выработать в читателях сознательное отношение к культурным и духовным ценностям, объединить общество, показав ему общие цели и идеалы. Уже в ранних критических статьях К. заметно желание постигнуть закономерности, которым подчиняется развитие литературы и в целом -- искусства. Он прослеживает смену определенных стадий в литературном процессе, различает их не только в плане содержания, но и в плане формы. Новейший период русской литературы К. называет "русско-пушкинским". Содержание этого периода -- синтез, или, в терминологии К., "поэзия действительности". Исходя из мысли о непрерывности развития, К. утверждал: *"семена желанного будущего заключены в действительности настоящего"* (Там же.-- С. 59). Но и само стремление к поэзии действительности, по мнению критика, возникло в русской литературе потому, что "уважение к действительности", понимаемое как "историческое направление всех отраслей человеческого бытия и духа" (Там же), стало господствующим в европейской литературе и просвещении.

В 1830 г. К. предпринял путешествие за границу, слушал лекции Гегеля, Окена, Шеллинга, Шлейермахера, Ганса, Риттера, Раумера, Шорна, с некоторыми из них (Гегелем, Океном и Шеллингом) познакомился лично. Вернувшись в Россию, К. в 1831 г. приступает к изданию своего журнала "Европеец", который хотел превратить "в аудиторию европейского университета" (Там же.-- С. 357). Первый номер журнала вышел в 1832 г. К. помещает в нем рецензии, критическое "Обозрение русской литературы за 1831 год", программную статью "Девятнадцатый век".

В "Обозрении" 1831 г. К. подробно анализирует "Бориса Годунова" Пушкина и "Наложницу" Баратынского. Единственный из всех критиков К. рассматривал центральную проблему "Бориса Годунова" как проблему "трагического воплощения мысли" (Там же.-- С. 107). Годунов, по мнению К., гибнет не от реального превосходства Самозванца, не от его силы, а от чувства вины действительной или мнимой, от самой "идеи" преступления. Это преступление, с точки зрения К., еще гипотетично, Годунов, может быть, и не совершал его. Но общее мнение обвиняет царя, и он обречен. "Тень умерщвленного Димитрия" сама становится как бы действующим лицом трагедии. Это она, по выражению критика, "управляет ходом всех событий", она создает в трагедии "один общий тон, один кровавый оттенок" (Там же.-- С. 106). В центре трагедии оказывается не лицо и даже не действие, но идея, "коренная мысль", которая "заступает место господствующего лица, или страсти, или поступка" (Там же.-- С. 107). Все это позволяет критику утверждать, что произведение Пушкина требует отказаться от "многих ученых и школьных предрассудков" (Там же.-- С. 107). К. сближает "Бориса Годунова" не только с древними трагедиями, но и с новейшей литературой -- "Манфредом" Байрона и "Фаустом" Гете. Все это необходимо К., чтобы показать особое положение "Бориса Годунова" в русской литературе. К. считает, что Пушкин добивается большей объективности именно за счет соединения мысли и чувства.

Основные тенденции общеевропейского развития анализирует К. в статье "Девятнадцатый век". Европейская культура воспринимается им как диалектическая, возникшая в процессе борьбы античного начала с варварским и христианским. Отличие России от Западной Европы К. видит в том, что она не испытала влияния древнего мира, т. е. Греции и Рима. Это имело двойные последствия: с одной стороны, сама вера в России была "еще чище и светлее" (Там же.-- С. 93), с другой же --- страна не избежала раздробленности, которая привела к монголо-татарскому завоеванию.

Статья К. послужила поводом для запрещения журнала. Издатель был обвинен в неблагонамеренном образе мыслей, в поддержке Французской революции и т. п. В защиту К. выступили В. А. Жуковский, написавший письма Николаю I и шефу жандармов, начальнику III отделения графу А. Х. Бенкендорфу, и князь П. А. Вяземский, также пытавшийся смягчить гонения на К. Однако эти попытки